

Отзыв

председателя диссертационного совета на диссертацию Царегородцева Сергея Станиславовича «Концепция общественного согласия Ф. Бэкона: политико-текстологический анализ», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки.

Диссертация С.С. Царегородцева посвящена исследованию сложной и крайне актуальной проблемы истории социально-политической философии раннего модерна - анализу концепции общественного согласия Фрэнсиса Бэкона - выдающегося английского философа, ученого и государственного деятеля, одного из основоположников европейской научной революции, оказавшего мощное влияние на интеллектуальное развитие современного мира. Как справедливо заметил американский историк Перес Загорин: «Одна из основных причин, по которой Бэкон по-прежнему заслуживает пристального изучения, заключается в том, что он важен для человеческой цивилизации как мыслитель и пророк, который, стоя на пороге современной эпохи, осознал некоторые возможности, заложенные в развитии науки и ее технологическом применении и посвятил свой великий интеллект изобретению способов надежного обеспечения научного прогресса... Бэкон обладал универсальным умом, интересы которого охватывали многие области. Он был не просто философом, но вел активную жизнь как юрист, политик и государственный деятель. Хотя реформа знаний и обновление натурфилософии были его высшим приоритетом как мыслителя, он также много размышлял и писал о религии, морали и человеческом поведении, политике, работе разума, языке и коммуникации, поэзии, мифах, истории и праве... Однако то, чего явно недостает сегодня читателям, учащимся и ученым, это всесторонней,rationально выверенной и отвечающей современным потребностям истории разума Бэкона, в которой был бы представлен широкий обзор и анализ всего диапазона его идей в их историческом контексте» (Zagorin P. Francis Bacon. Princeton, New Jersey, 1999. p. IX-X).

На наш взгляд, С.С. Царегородцев, осуществив в своем диссертационном исследовании тщательный политико-текстологический анализ многообразных аспектов интерпретации общественного согласия в социально-политической философии Бэкона, внес существенный вклад в создание обозначенного Загориным исторического труда, окончательная реализация которого возможна только в рамках совместных усилий международного научного сообщества. На сегодняшний день эта работа находится пока еще на начальной стадии, что вполне понятно. Ведь «эпистемологический проект, который Фрэнсис Бэкон обозначает в своих научных трактатах, требует не менее, чем полного обновления всего человеческого знания» (Funari A. J. Francis Bacon and the Seventeenth-Century Intellectual Discourse. New York, 2011. p. 17) и политico-философская составляющая этого проекта пока еще изучена довольно поверхностно. Современный канадский философ Лоренс Ламперт, например, полагает, что для понимания политической философии английского мыслителя вполне достаточно лишь аналитики позднего сочинения Бэкона «Новая Атлантида» (см.: Lampert L. Nietzsche and modern times: A study of Bacon, Descartes, and Nietzsche. New Haven; London, 1993. p. 18-19).

В этом плане, можно с полным основанием утверждать, что работа С.С. Царегородцева вполне наглядно опровергает данный наивный тезис. Исследуя преимущественно концепцию общественного согласия в философии Бэкона, автор опирается на *весь компендиум его сочинений* и комментариев к ним, которые начали издаваться в Великобритании еще во второй половине XIX века. Помимо тщательного изучения оригинальных работ британского философа и политика, в диссертации представлена обширная аналитика современных научных исследований, посвященных самым различным аспектам его научного творчества и многогранной политической деятельности. Библиографический список диссертации насчитывает 449 работ, в том числе 150 исследований зарубежных ученых, включая самые новейшие статьи и монографии, в которых представлены основные направления интерпретации проблемы согласия в современной западной политической теории.

В первой главе диссертации «Социально-исторические и идеино-теоретические предпосылки концепции общественного согласия Ф. Бэкона» С.С. Царегородцев вполне адекватно и убедительно характеризует ряд основных факторов формирования социально-политической философии Бэкона, в том числе и проводимую королевой Елизаветой государственную политику «терпимости» в отношении различных религиозных конфессий, «которая в полной мере соответствовала внутриполитической линии, направленной на достижение общественного согласия в английском обществе, на укрепление его политической стабильности» (с. 30, см. также с. 67 сл., с. 73 сл.).

Вторая глава «Основные идеи и принципы концепции общественного согласия Ф. Бэкона» также отличается большим многообразием исторических и теоретических сюжетов. В частности, автор совершенно справедливо подчеркивает, что «именно система образования и наука играют ключевую роль в формировании сплоченного гражданского общества и обеспечивают существование сильной государственной власти... В контексте учения “о пестовании или культуре ума”, в поисках путей и способов достижения общественного согласия Ф. Бэкона в большей степени интересуют механизмы такой организации науки и образования (как средств структурирования сознания), чтобы при их взаимодействии с человеческим сознанием и воздействии на него эффект был максимальным» (с. 118, 119).

В заключительном четвертом параграфе «Концепция согласия Ф. Бэкона и современная политическая теория» всесторонне проанализированы основные направления теоретических дискуссий, связанных не только с местом и ролью различных теорий согласия в формировании современного политико-философского дискурса, но и с непосредственным воздействием концепта «согласие» на общественно-политическое сознание в западном мире. Как справедливо отмечает автор: «На рубеже XX-XXI вв., по мере распространения толерантности и сформировавшихся на ее основе соответствующих социальных практик, согласие становится своеобразным “паролем”, отворяющим дверь в мир доверия и цивилизованной жизни. Книжный рынок западных стран до предела насыщен многочисленными пособиями и руководствами, в которых популярно разъясняется жизненный смысл согласия как культурного феномена. Многочисленные образовательные программы обучают детей уже на ранней ступени развития усваивать общепринятый код социального поведения,

исключающего любые формы давления и принуждения в отношении индивидов... Повседневная и весьма многообразная социальная и политическая атрибутика согласия является лишь производной от фундаментального философского и этического содержания данного понятия. Это содержание было хорошо зафиксировано в свое время в текстах Ф. Бэкона. В англо-саксонском мире согласие как политический и этический концепт на протяжении многих веков всегда был и остается важнейшим элементом научного и философского дискурса» (с. 122, 125).

Наряду с бесспорными научными достоинствами, диссертации С.С. Царегородцева свойственны и определенные недостатки, связанные преимущественно с логическими лакунами в аргументации. Например, в пункте 3 основных положений диссертации, выносимых на защиту, автор утверждает следующее: «Деятельность на политическом и административном поприще занимала большую часть сознательной жизни Ф. Бэкона и была ее основным содержанием. Политическая и научная деятельность мыслителя подчинялись одним и тем же целям, при этом научные исследования в его жизни играли подчиненную роль, носили инструментальный характер и были посвящены решению текущих политических задач» (с. 16).

Такого рода гипотеза о «примате политического» в научном творчестве философа является очевидным преувеличением. На наш взгляд, гораздо ближе к истине подошел в этом плане Борис Подорога в своем предисловии к одному из последних отечественных изданий «Нового органона»: «Фрэнсис Бэкон не был ученым в полном смысле этого слова. В отличие от Галилея, Гильберта, Браге или Кеплера Бэкон не являлся специалистом в какой-то определенной области знания, если не считать, конечно, юриспруденцию. Фрэнсис Бэкон был реформатором науки. Он видел свою задачу в том, чтобы создать универсальные принципы научного познания. Для Бэкона было важно продумать и желательно воплотить в жизнь всеобъемлющую совокупность условий (методологических, социальных политических и экономических), при которых наука была бы возможной в качестве постоянного процесса извлечения знания из природы и производства технологических инноваций. Отдельные содержательные проблемы науки, заключавшиеся в неверном истолковании природы, были, с точки зрения Бэкона, обусловлены фундаментальной проблемой отсутствия ясных и надежных принципов развития науки в целом» (Бэкон Ф. Новый органон. М.: РИПОЛ классик, 2019. с. 11). В контексте «споря о приоритетах» представляется также вполне адекватным и следующее суждение Б. Подороги: «Наука перестает быть служанкой теологии: теперь она рассматривается в качестве самостоятельного знания, способного дать объективную картину природы, не сводимую к образу божественного порядка. Этот статус науки закрепляется не столько в университетах, находившихся под пятой богословия, сколько при дворах светских правителей и неформальных научных организаций (академий, научных обществ), которым последние покровительствовали. Так, работы Г. Галилея, У Гарвея, Т. Браге, Ф. Бэкона, сформировавшие узнаваемое лицо науки XVI- XVII веков, были сделаны под патронажем мирских государей. Кроме того, подъем новой науки исторически совпадает со становлением абсолютизма, означающим усиление общеевропейского процесса секуляризации... Так, одна из наиболее известных работ Галилея, ознаменовавшая собой подъем его научной карьеры, - «Звездный

вестник», посвященный открытию спутников Юпитера; он выпустил эту работу в должности придворного философа Козимо II Медичи. Гарвей, известный открытием кровообращения, был личным врачом английского короля Карла I, Тихо Браге — придворным математиком и астрологом императора Священной Римской империи Рудольфа II, а Бэкону покровительствовал отец Карла I - Яков» (Там же. С. 6-7).

Вывод очевиден: политика, юриспруденция, философия и «чистая наука» выражают замечательную многогранность творческой деятельности Бэкона и вряд ли правомерным будет считать, что они носили исключительно «инструментальный характер». Совершено другой вопрос, какую из сфер *своей практической деятельности* Бэкон рассматривал как наиболее приоритетную? Ответ на данный вопрос, конечно, не может быть совершено однозначным. Но у меня лично возникает вполне отчетливая ассоциация о близости жизненных установок Бэкона к позиции Пифагора из Самоса, изобретателя самого термина «философия». Для греческого философа политика имела «вероятно, наибольшее значение» (Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985, с. 136).

Разумеется, обозначенное выше замечание, фиксирующее неоднозначность научной интерпретации приоритетов и субъективных установок творческой деятельности Ф. Бэкона, вполне может рассматриваться как второстепенное на фоне несомненных многочисленных научных достоинств диссертации С.С. Царегородцева.

По своему содержанию диссертационная работа «Концепция общественного согласия Ф. Бэкона: политико-текстологический анализ» соответствует требованиям, установленным Приказом №6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» от 01.09.2016 (с изменениями и дополнениями), а ее автор — Царегородцев Сергей Станиславович вполне заслуживает присуждения учёной степени кандидата политических наук по специальности 23.00.01 - Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки). Пункты 9 и 11 указанного «Порядка присуждения в Санкт-Петербургском государственном университете ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук», диссертантом не нарушены.

Председатель диссертационного совета
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и философии политики
факультета политологии Санкт-Петербургского
государственного университета

Гуторов Владимир Александрович

04. 10. 2021 г.